

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О   И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С б о р н и к   2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

А. С. ШОФМАН, Г. Ф. ШАМОВ

ВОСТОЧНЫЙ РАЗРЯД КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(краткий очерк)

ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО РАЗРЯДА

В 30—40-х годах XIX в. Казанский университет становится одним из центров русского востоковедения. В это время на философском факультете складывается из различных кафедр восточный разряд, выдвинувший впоследствии плеяду русских ориенталистов, пользовавшихся заслуженным научным авторитетом.

Возникновение и плодотворная деятельность восточного разряда стали возможными потому, что востоковедческая наука в Казани начала развиваться еще до открытия университета.

Казань издавна имела обширные торговые связи с Востоком. Через Казань шли торговые пути в Иран, Среднюю Азию и на Дальний Восток. Она задолго до установления нормальных отношений России с Китаем торговала с китайцами как своими собственными товарами, главным образом кожами, так и товарами других городов России, особенно во время ежегодных ярмарок на Булаке. Казанское купечество составляло в Кяхте особую компанию, предметом торговли которой была юфть.

В первой половине XIX в. Казань являлась также крупным административным и культурным центром Восточной России. Это был большой и оживленный город. После пережитого в 1815 г. пожара, уничтожившего почти половину города, Казань стала быстро восстанавливаться, «воздвигались новые здания, срывались крутизны гор, засыпались овраги, мостились улицы камнем и сосновыми полигонами». К 1842 г., по воспоминаниям современника, Казань «нарядилась и украсилась, как невеста, так что была первым лучшим городом после столицы»¹.

---

¹ И. А. В т о р о в. Москва и Казань в начале XIX в. «Русская старина», 1891, апрель, стр. 17.

Казань, находясь почти на границе с Азией, была с ней связана в географическом, экономическом и даже этнографическом отношениях. В городе имелось большое количество мусульманского населения. В мае 1767 г. Екатерина II, остановившись на некоторое время в Казани, писала оттуда Вольтеру в Женеву: «Я угрожала вам письмом из какого-нибудь азиатского селения, теперь исполняю свое слово . . . Теперь я в Азии. Мне хотелось видеть это собственными глазами. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою»¹.

Царское правительство, придавая особое значение торговле с Востоком, стремилось подготовить не ученых ориенталистов, а чиновников-переводчиков и миссионеров. Этим объяснялся указ Екатерины II от 12 мая 1769 г. об изучении татарского языка «единожды навсегда при казанской гимназии»². В начале XIX в. при казанской гимназии было предложено открыть, кроме татарского класса, также класс языков арабского и турецкого³. Эти же причины и определили введение преподавания восточных языков в Казанском университете уставом 1804 г.⁴

Русская передовая общественность проявляла большой интерес к Востоку, к истории его народов, к их языку, литературе, быту, нравам, обычаям.

Казанские востоковеды подчеркивали важность знакомства с восточными странами не только для дипломатических и торговых сношений с ними, но также и для всестороннего научного их изучения.

Развитию востоковедческой науки в Казани содействовали передовые русские ученые. Известно, что первый попечитель Казанского учебного округа, ученик Ломоносова и Эйлера, вице-президент Академии наук С. Я. Румовский с большим увлечением работал над расширением круга востоковедческих дисциплин в казанской гимназии. Он рекомендовал учредить при ней «главное для восточных языков училище», в котором, кроме татарского, должны были бы изучаться: арабский, турецкий, японский, китайский, маньчжурский, персидский, грузинский, армянский и калмыцкий. Но этот проект учреждения

---

¹ Переписка Екатерины с г. Вольтером (перевод А. Подлисецкого), ч. I. М., 1803, стр. 30, 32.

² См. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1842, стр. 3.

³ Загоскин. История императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования, 1902, т. I, стр. 222.

⁴ Устав императорского Казанского университета. 1804, стр. 10.

в Казани училища восточных языков остался неосуществленным¹.

Когда в 1804 г. начал свой первый учебный год Казанский университет, в его штате, согласно уставу, предполагался профессор восточных языков и лектор татарского языка². Ни о каких кафедрах тогда еще не было речи. Преподавание шло без программ и учебных планов. Не существовало также никакого разделения на факультеты, не было никакой специализации³. Лишь через три года, в 1807 г., начала функционировать кафедра восточных языков, на которой преподавали арабский и персидский языки, иногда «с присовокуплением еврейского и сирийского»⁴. Руководителем этой кафедры был назначен прибывший из Ростка Х. Д. Френ⁵.

Френ считается родоначальником казанских ориенталистов, предтечей будущего разряда восточной словесности⁶. Он пробыл в Казанском университете 10 лет. За это время ему удалось расширить преподавание восточных дисциплин, заложить основы всестороннего научного изучения Востока. Ближайшим сотрудником Френа в его преподавательской и научной деятельности был Ибрагим Хальфин, который с 1811 г. являлся лектором татарского языка в университете, а с 1823 г. — адъюнктом восточной словесности⁷. Ибрагим Хальфин «безостановочно занимался теоретико-практическим руководством своих слушателей в татарском языке»⁸.

¹ Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 222.

² Устав императорского Казанского университета. 1804, стр. 10.

³ А. С. Шофман. Казанский университет до Великой Октябрьской социалистической революции, в кн. История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954, стр. 6.

⁴ Обзорение хода успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 7.

⁵ Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4024, стр. 26—27; № 4789. ЖМНП, 1855, ч. 88, стр. 8. П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. «Труды Восточного отделения императорского археологического общества», ч. II. СПб., 1856, стр. 6. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 219.

⁶ Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 219.

⁷ Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4016, стр. 59—60. Преподавание татарского языка в Казани было в фамилии Хальфиных наследственным в продолжение 60 лет. Дед Ибрагима Хальфина Сагит Хальфин был первым официальным преподавателем восточных языков в России. В 1769 г. ему было поручено преподавание татарского языка в казанской гимназии. С 1785 г. его преемником стал сын Исхак (1785—1800), после смерти которого продолжил его дело Ибрагим Хальфин (1800—1828). П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 28. Примечание. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 220.

⁸ Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 9.

3 августа 1817 г. Френ ушел из Казанского университета в связи с переходом на службу в Петербургскую Академию наук¹. Уезжая в Петербург, Френ оставил в Казанском университете своего способного ученика Я. О. Ярцева, который, однако, вскоре также уехал за своим учителем в Петербургскую Академию наук, где занимал должность адъюнкта восточных языков².

В 1818 г. по рекомендации Френа был утвержден профессором по кафедре восточных языков Ф. Эрдман, вышедший из той же школы, которую проходил когда-то сам Френ³. Эрдман проработал в университете 26 лет и вел преподавание главным образом по арабской и персидской словесности. Не обладая ни научной эрудицией Френа, ни передовыми взглядами на науку, он заслужил самое отрицательное отношение современников⁴. В университете Эрдман выступал против передовых ученых и действовал в духе реакционера Магницкого, с появлением которого в Казанском университете учебная и научная жизнь замерла.

Магницкий, как попечитель Казанского учебного округа (1819—1826), заподозрив в университетском преподавании «вольнодумство», в 1821 г. издал особые инструкции, по которым «в преподавании всех наук» должен был быть «один дух святого евангелия». Соответственно с этим университетское руководство стремилось к ограничению преподавания восточных языков, заниматься языками арабским и персидским лишь постольку «они могут быть полезны России по ее торговым и политическим сношениям»⁵.

Власть Магницкого над университетом длилась в течение семи лет. За это время университет был сильно ослаблен. Кроме того, годы непосредственно следовавшие за разгромом декабристов, были годами особенно тяжелыми для развития науки и просвещения. Царское правительство предприняло ряд мер против «дерзновенных мечтаний». Понадобились люди,

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 706, оп. 1, стр. 1.

² Загоскин. Указ. соч., т. II, Казань, 1903, стр. 33.

³ Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4016, стр. 73—74.

⁴ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, 1876, т. I, стр. 223. Нельзя согласиться с мнением Загоскина о том, что деятельность Эрдмана «явилась в высшей степени плодотворной» и что Эрдман создал школу ориенталистов, из которой вышли такие востоковеды, как Березин, Васильев, Ковалевский, Навроцкий, Попов, Холмогоров.

⁵ Журнал Департамента народного просвещения, 1821, ч. II, стр. 56—58.

которые бы, несмотря на николаевскую реакцию, могли под влиянием новых общественных веяний возродить университет. Такими людьми стали питомцы университета, прежде всего Н. И. Лобачевский и И. М. Симонов.

Великий математик, философ-материалист, педагог, патриот — Лобачевский возглавил прогрессивную профессию в борьбе со схоластическим преподаванием, с реакционерами в науке.

Выросший на идеях просветительской и материалистической философии, великий ученый в знаменитой актовой речи «О важнейших предметах воспитания» внушал своим слушателям: «Человек родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость не дана ему от рождения: она приобретается учением».

Он ставил перед молодым человеком высокий патриотический идеал гармонического развития личности, которая «высокими познаниями составляет честь и славу своего отечества». Суровое порицание получали от него те молодые люди, идеалы которых не шли далее удачно сделанной карьеры и обеспеченного служебного положения. Горячим протестом против затхлого, холодного, себялюбивого отношения к жизни полны вдохновенные слова его актовой речи. В ней высказаны ценнейшие мысли о воспитании, которое должно пробуждать в человеке «все способности ума, все дарования».

В своих педагогических воззрениях Лобачевский выступал как один из выдающихся представителей материализма в истории русской педагогики.

Находясь в течение почти 20 лет на посту ректора университета, Лобачевский способствовал развитию не только многих наук, но и развитию и процветанию ориенталистики. Он внимательно изучал состояние преподавания восточных языков, готовил специалистов-востоковедов.

Приход Лобачевского в 1827 г. к руководству университетом сразу сказался благотворно на развитии «восточного разряда». Уже в следующем, 1828 г. лектура татарского языка преобразуется в кафедру турецко-татарского языка, которую вскоре возглавил Казембек. Через пять лет, в 1833 г., при непосредственном участии и руководстве Лобачевского была основана монгольская кафедра — первая монгольская кафедра в Европе. Необходимость учреждения монгольской кафедры Лобачевский мотивировал тем, что Россия находится в соседстве с Монголией, что частые сношения между этими странами невозможны без основательного изучения монгольского языка и литературы. Лобачевский обратил внимание также на то,

что в Забайкалье и Восточной Сибири «кочуют бурятские и тунгусские племена, говорящие монгольским языком, исповедующие Буддийскую религию»¹. По мнению Лобачевского, необходимо познакомиться через этих практических знатоков монгольского языка не только с этим языком, но и с жизнью и бытом носителей этого языка. Монгольская кафедра могла быть открыта только тогда, когда О. Ковалевский и А. Попов после пятилетнего пребывания в Забайкальском крае возвратились в Казань, обогащенные знанием монгольского языка и монгольской истории². После того, как эти знания были достойно оценены Академией наук в Петербурге, Ковалевский и Попов начали развивать интенсивную деятельность в области развития монголоведения. Руководство монгольской кафедрой в университете было поручено Ковалевскому, а преподавание монгольского языка в гимназии возложено на Попова. Благодаря активной деятельности этих двух монголоведов, кафедра монгольского языка быстро росла и стала русским центром научного изучения Монголии.

В 1835 г. был введен новый университетский устав, в котором получили яркое выражение реакционные идеи, царившие в господствующих слоях и нашедшие свое отражение в деятельности министра просвещения С. С. Уварова. Стремясь, по его выражению, «отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории . . .», Уваров провозгласил триединую формулу: «православие, самодержавие, народность». Эта формула была программой махрового национализма и реакции.

Новый университетский устав ликвидировал даже ту видимость академической свободы, которая формально существовала в университетах по уставу 1804 г. Новый устав требовал сословного характера образования и, главное, был направлен против передовых политических влияний.

С августа 1837 г. Казанский университет стал работать по новому уставу.

По существу, в систему преподавания восточных языков и в развитие востоковедческой науки новый устав не внес ничего нового. Читавшиеся курсы арабского, турецкого, татарского, персидского и монгольского языков были лишь выделены в разряд восточной словесности³. До этого они вхо-

---

¹ Обзорение хода успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ Общий устав императорских Российских университетов, 1835, стр. 4.

дили в состав трех восточных кафедр, уже существовавших до устава: 1) кафедра арабского и персидского языков, руководителем которой являлся ординарный профессор Эрдман; 2) кафедра турецко-татарского языка под руководством ординарного профессора Казембека; 3) кафедра монгольского языка, вверенная ординарному профессору Ковалевскому и экстраординарному профессору Попову¹.

Кафедра арабской и персидской словесности, основы которой были заложены еще Френом, кроме Ярцева, Эрмана и Готвальда, имела в своем составе ряд молодых преподавателей, главным образом воспитанников Первой Казанской гимназии. В числе их были: Николай Сонин, Иван Жуков, Иван Иванов, Михаил Новроцкий, Иван Холмогоров.

Кафедра турецко-татарского языка выдвинула таких крупных тюркологов, как Александр Мирза Казембек и И. Н. Березин. Что касается монгольской кафедры, то она в лице Ковалевского и Попова имела основоположников научного монговедения в России.

По инициативе передовых казанских востоковедов и ректора Лобачевского восточный разряд, вопреки уставу, расширялся, а изучение востоковедческих дисциплин углублялось. Как указывает О. М. Ковалевский, «каждый профессор по своей кафедре, кроме механизма языка, старался познакомить слушателей с политической и литературной жизнью народа, говорящего оным, и чрез то открыть юношеству путь к дальнейшей разработке ученых сокровищ Востока»².

В мае 1837 г. была учреждена первая в России кафедра китайского языка, под руководством архимандрита Даниила Сивилова, пробывшего 10 лет в Китае³ в составе X Духовной миссии.

С апреля 1844 г. во главе китайской кафедры по рекомендации Ковалевского находился ординарный профессор китайской и маньчжурской словесности И. П. Войцеховский (1793—1850).

Войцеховский, по специальности врач, после окончания Петербургской Медико-хирургической академии в 1819 г., свыше 10 лет провел в Китае, где прекрасно изучил китайский, маньчжурский и монгольский языки, занимался медицинской практикой, оказывая безвозмездную помощь китайской бед-

¹ Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 17.

² Там же.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4599, оп. 1, стр. 9.

ноте ¹. В благодарность за излечение одного принца китайцы поставили ему перед отъездом его в Россию памятник на территории посольского дома ².

Возглавляя с 1844 г. кафедру китайской словесности, он вместе с тем вел и преподавание маньчжурского языка.

В университете, как отмечали современники, Войцеховский отличался демократизмом и внимательным отношением к казанской городской бедноте ³.

Войцеховский умер 7 ноября 1850 г. Незадолго до его смерти в Казань вернулся из Китая В. П. Васильев, где он в течение 10 лет с исключительной тщательностью изучил историю, географию стран Восточной Азии, китайский, тибетский и санскритский языки. Васильев не преувеличивал, когда говорил: «Страна от берегов Каспийского моря до восточного океана, от пределов Индии до северных вершин Байкала более или менее, но вся, близка мне и поговору ее обитателей и по письменности их» ⁴.

В 1850 г. В. П. Васильев был избран на должность экстраординарного профессора по кафедре китайского и маньчжурского языков ⁵. Преподавателями практического курса китайского языка были А. Сосницкий и Абу-Каримов (из китайских мусульман).

В 1842 г. были открыты две важнейшие кафедры: кафедра армянского и кафедра санскритского языков. Кафедру армянского языка возглавлял рекомендованный Френом крупный

¹ «Казанские губернские ведомости», № 2, 1850.

² Там же. Современники передают, что сооружение памятника Войцеховскому происходило в торжественной обстановке. 19 ноября 1829 г. из дворца императора, при страшном громе, звоне и прочих звуках дивной китайской музыки, под сенью знамен с изображением государственного герба мистического дракона (лу), в сопровождении важнейших сановников гражданских и военных и бесчисленного народа со всеми церемониями, предписанными священной книгой Ли-цзы, в великолепном богдыханском паланкине принесли в дом русской миссии и поставили в его зале, в честь Войцеховского, памятник, на котором в китайской и латинской надписи извещалось, что «великого князя Ли, младший брат Чан поставил этот памятник медику Иосифу Войцеховскому». См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851/52 учебном году. Казань, 1852, стр. 18—19.

³ «Казанские губернские ведомости», № 2, 1850. Когда в 1847 г. в Казани появилась холера, Войцеховский снова выступил на медицинском поприще. «Мы с холерою старые знакомые», — говорил он, так как он первый из русских врачей наблюдал ее в Пекине в 1820 г.

⁴ Отчет о состоянии императорского Казанского ун-та в 1850/51 учебном году. Казань, 1851, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 32, ЦГА ТАССР, 977, № 8453, оп. 208, стр. 51—52.

специалист по армяноведению С. И. Назарьянц (1812—1879)¹. Это был один из передовых ученых и публицистов. Его научные труды, магистерская и докторская диссертации получили высокую оценку у видных ориенталистов, в числе которых был и Френ². В своей докторской диссертации Назарьянц проводил мысль, что восточный мир не менее достоин внимания науки, чем так называемый древнеклассический³.

В программе, составленной Назарьянцем для кафедры армянского языка, подчеркивались цель и задачи армяноведения. Они, по его мнению, заключались в том, «чтобы сделать доступными ученому миру драгоценные сокровища армянской литературы, хранящейся донныне в глуши монастырей . . . , чтобы дать возможность, пользуясь историческими памятниками армян, осветить мрачные области истории Востока»⁴.

Преподавателем практического курса армянского языка на этой кафедре был Григорий Гладышев.

Руководителем кафедры санскритского языка был утвержден П. Я. Петров (1814—1895). Это был один из передовых ученых, один из первых русских санскритологов. Даже известный немецкий санскритолог Бопп вынужден был признать преимущество Петрова в знаниях санскрита⁵.

Еще в Московском университете Петров познакомился с В. Г. Белинским, стал его другом и товарищем. О его близких отношениях с великим русским революционером-демократом В. Г. Белинским говорит оживленная переписка, которую они вели всю жизнь. Белинский высоко оценивал востоковедные познания Петрова⁶. Научные заслуги Петрова также высоко оценивали ученые Казанского университета, отмечая, что Петров «соединял в себе основательные знания многих восточных языков и главнейших европейских», что «этот обширный запас сведений был довершен истинно редким трудолюбием»⁷.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 8344, оп. 205, стр. 1, 5—6. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8344, л. 10.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, № 8344, оп. 205, стр. 10, 17—20. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 39, истфак, стр. 1—10.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 39, истфак, стр. 25, см. также Отчет о состоянии императорского Казанского ун-та за 1848/49 г., стр. 10.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8344, л. 22.

⁵ И. Ю. Крачковский. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому, стр. 12 (в книге «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953).

⁶ Там же, стр. 7—22; Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 223—247.

⁷ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 6525, л. 4.

Интересно отметить, что в марте 1836 г. начал читать в Санкт-Петербургском университете лекции по санскриту ученик Боппа адъюнкт Академии Ленц, но курс не был доведен до конца ¹. Возобновилось преподавание санскритского языка и литературы только в 1858 г. Курс начал с успехом читать К. А. Коссович ².

В 1842 г. во время открытия кафедр армянского и санскритского языков была запроектирована и кафедра тибетского языка и литературы, руководство которой предназначалось для находившегося в Китае В. П. Васильева.

В следующем, 1843 г. на восточном разряде было введено обучение восточной каллиграфии.

Лобачевский направлял свои усилия на дальнейшее расширение востоковедческих дисциплин. В январе 1843 г. он ходатайствует об открытии кафедры еврейского языка. Подчеркивая важность изучения этого языка, он доказывал, что «знание еврейского языка, как одного из главных корней семитических языков необходимо . . .» ³ В этом же году был представлен Казанским университетом проект об открытии при нем института восточных языков ⁴. Последние два мероприятия не получили конкретного осуществления.

Таким образом, из восточных кафедр университета и был постепенно составлен особый разряд восточной словесности, в составе философского факультета.

Восточный разряд проделал огромную работу по изучению народов Востока и создал школу русских востоковедов.

Изучение народов Востока проходило также в научном обществе Российской словесности, учрежденном в апреле 1806 г. в Казани ⁵. В этом обществе с научными докладами и отчетами о путешествиях по странам Востока выступали Ковалевский, Попов, Березин, Васильев и др. Последний читал членам общества отрывки из своего Пекинского дневника.

РАЗВИТИЕ ОРИЕНТАЛИСТИКИ НА ВОСТОЧНОМ РАЗРЯДЕ

Для глубокого изучения восточных языков, а также для всестороннего знакомства с восточными народами необходимо было непосредственное соприкосновение с ними. Этим объясняются те длительные путешествия по Востоку, которые пред-

¹ В. Григорьев. Санскритский язык в России. «Северная пчела», № 56, 1836.

² ЖМНП, 99, 1858, стр. 159.

³ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5256, оп. 1, стр. 1—2.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5170, оп. 1, стр. 3, 12, 16.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 179, л. 4.

принимали казанские востоковеды, особенно во время ректорства Н. И. Лобачевского. До этого времени путешествия казанских ученых на Восток были случайными.

Так, в 1817 г. можно отметить поездку в Персию магистра восточной словесности Я. О. Ярцева, прикомандированного к русскому посольству в качестве канцелярского чиновника. Он пробыл в Персии ровно год, регулярно вел записи, «касающиеся до топографии, религии, промышленности и других тому подобных предметов». После рассмотрения их Советом университета они были «возвращены ему для приведения в порядок»¹.

Н. И. Лобачевский являлся сторонником длительных научных командировок, необходимых студентам для изучения стран Востока и подготовки к профессуре.

Второй поездкой в страны Востока ученых Казанского университета, имевшей большое значение для русского востоковедения, явилась командировка в Пекин, в составе XII Духовной миссии, В. П. Васильева, ученика О. М. Ковалевского, успешно в 1839 г. защитившего магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма»².

В это время в университете возник проект создания тибетской кафедры, которая могла бы быть также первой в Европе. Решено было поставить во главе предполагаемой кафедры В. П. Васильева, послав его предварительно в Китай для изучения тибетского, китайского, маньчжурского и санскритского языков³.

В. П. Васильев пробыл в Пекине свыше 10 лет, занимаясь изучением языков, литературы и истории народов Китая. При этом он уделял большое внимание географии Китая. «По нашему мнению, — писал он, — для того, чтобы исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разобрать географию страны, сперва новую, потом древнюю»⁴. Одновременно он собирал материал о сельском хозяйстве, промышленности, торговле, финансах, административном делении страны и т. д.⁵

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 822, л. 1.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 5.

³ Вначале университет хотел отправить в Пекин даже двух своих воспитанников: В. П. Васильева и М. Г. Навроцкого, но министерство иностранных дел и синод отказали в посылке двух человек (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4814, л. 14).

⁴ В. П. Васильев. Записки о Нингуте. «Зап. имп. Русск. геогр. об-ва», кн. 12, стр. 79.

⁵ В. П. Васильев. Выписка из дневника, веденного в Пекине. «Русский вестник», 1857, т. IX, №№ 10, 12.

Для библиотеки Казанского университета и Первой гимназии В. П. Васильев приобрел большое количество китайских, тибетских и маньчжурских рукописей. В одном только 1842 г. он отправил в Казань 849 сочинений в 2737 томах ¹.

В сентябре 1850 г. В. П. Васильев возвратился в Казань и представил Совету университета отчет о своей деятельности в Китае. Н. И. Лобачевский, находившийся тогда во главе Казанского учебного округа, предписал Совету университета немедленно рассмотреть представленный отчет и донести «о всех заслугах Васильева с своим заключением и мнением в отношении к назначению, какое предполагалось для Васильева по возвращении его в Казань через десять лет пребывания в Пекине» ².

В январе 1851 г. В. П. Васильев был назначен экстраординарным профессором на кафедре китайской и маньчжурской словесности, на которой не было руководителя после смерти И. Войцеховского.

Почти одновременно с отъездом В. П. Васильева в Китай отправились в трехлетнее путешествие по Кавказу и странам Ближнего и Среднего Востока И. Н. Березин и В. Ф. Диттель, защитившие в 1840 г. магистерские диссертации ³. План путешествия был составлен профессором А. Казембеком, рассмотрен Советом университета и утвержден Академией наук.

И. Березин и В. Диттель, выехав из Казани летом 1842 г., посетили Кавказ, Иран, берега Тигра и Евфрата, Сирию, Палестину, Египет и около года провели в Стамбуле, изучая турецкий язык и рукописи. Вначале они ехали вместе, но в Иране их маршрут разошелся, и они продолжали путешествие независимо друг от друга. В течение всего пути они вели подробные записи обо всем, что видели и узнавали, включая даже сведения о температуре воздуха, которую сами измеряли три раза в день. В августе 1845 г. они возвратились в Казань. Отчет об их путешествии был напечатан в 1847 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» ⁴.

Но И. Н. Березин не ограничился официальным отчетом, в котором больше говорилось о денежных расходах, чем об изученном, виденном и слышанном, и в 1849—1852 гг. издал два тома описаний своего путешествия — «Путешествие по

¹ К. Ф о й г т. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете, стр. 61.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8453, л. 39.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 16.

⁴ ЖМНП, 1847, т. V, отд. IV, стр. 1—30.

Дагестану и Закавказью» (1850) и «Путешествие по Северной Персии» (1852). Это не просто дорожные записи, а научный труд, созданный на основе тщательного изучения литературы, снабженный историческими и филологическими комментариями. Он имеет также приложение, состоящее из статистических таблиц, отражавших состояние русско-иранской торговли, переводов из персидских и арабских рукописей, надписей, снятых с городских стен, дворцов и мечетей, планов Тегерана, Тебриза и крупнейших кавказских городов.

Как отмечает советский востоковед Н. А. Смирнов, Березин дал для своего времени «лучшее в буржуазной литературе описание стран Востока»¹.

После экзамена в Академии наук И. Н. Березин был определен на кафедру турецко-татарского языка Казанского, а В. Ф. Диттель — на кафедру С.-Петербургского университета.

Кроме вышеперечисленных путешествий по странам зарубежного Востока, казанские востоковеды неоднократно совершали кратковременные поездки по Татарии, в Астрахань, на Кавказ, в Оренбург и Крым, также имевшие большое значение для их научной и педагогической деятельности.

Путешествия казанских востоковедов по странам Востока благотворно повлияли на развитие востоковедения в стенах Казанского университета.

В первые годы существования университета, когда восточный разряд еще не развернул своей деятельности, научно-исследовательская работа в области ориенталистики только зарождалась. Начало развития востоковедческой науки было, как уже указывалось выше, связано с именем проф. Х. М. Френа.

За 10 лет своего пребывания в университете Френ много сделал в области восточной палеографии, археологии, нумизматики и филологии. Опытным палеографом он стал благодаря тщательному изучению многочисленных арабских, персидских и татарских рукописей².

---

¹ Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 34.

² П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. «Труды Восточного отделения императорского Археологического общества», ч. II, СПб., 1856, стр. 7.

Для научной работы Френ покупал восточные рукописи на арабском языке, особенно исторического содержания, стихи и древние монеты, о чем он сделал специальное заявление в «Казанских известиях» (1811, № 32).

Живя в Казани, Френ осматривал остатки Булгар и исследовал древности местного края ¹. Часто попадавшиеся в Казани куфические монеты и особенно монеты Золотой Орды усилили интерес Френа к восточной нумизматике. По утверждению известного востоковеда Г. С. Саблукова, Френ был «корифеем наших нумизматов» ². Френ открыл более 400 видов монет Золотой Орды, по которым можно воспроизвести имена почти всех ханов — прежних властителей Руси ³. На основании кропотливого изучения этих монет Френу удалось объяснить собственные имена и титулы ханов, исследовать расположение городов Орды, русско-татарские взаимоотношения и т. д. Как правильно отмечает ориенталист Савельев, это была первая большая услуга русской истории, оказанная Френом ⁴. В связи с тем, что объяснение монет было невозможно без глубокого изучения истории мусульманского Востока, Френ занялся изучением истории восточных стран. Большей частью в то время эту историю приходилось изучать по рукописям, часто искаженным переписчиками, или по печатным текстам, испорченным издателями. Это заставило Френа заниматься филологическими изысканиями, которые также имели большое научное значение.

Научная деятельность Френа была настолько интенсивной, что, кроме многочисленных конспектов лекций, актовых речей, он «каждый год приготавливал по крайней мере одно ученое исследование» ⁵.

---

¹ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8, 11.

² Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, № 1509, стр. 3. Сам Саблуков тоже занимался восточной нумизматикой. В архиве 6-ки им. Н. И. Лобачевского находится его рукопись «Собрание монет Кипчакской орды». В этой рукописи автор на основании монет кипчакских ханов пытается уяснить основные этапы развития Кипчакской орды. См. архив 6-ки им. Лобачевского, инв. 1509, стр. 3—23.

³ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 11.

В 1808 г. Френ сделал описание на арабском языке (в связи с отсутствием латинского шрифта в университетской типографии) восьми саманидских и десяти бувейгидских монет. Это описание получило высокую оценку среди ориенталистов Западной Европы, особенно со стороны Сильвестра-де Саси и Тихсена.

В 1813 г. Френ издал описание восточного минц-кабинета Пото. В этом описании, по утверждению Савельева, указаны «примечательнейшие и дотоле неизвестные из монет мусульманского Востока семнадцать разрядов».

В 1814 г. он напечатал исследование «О титулах и почетных прозвизах ханов Золотой Орды». На протяжении 1816—1817 гг. Френ печатал трактат «О древнейшей монете Волжских булгар».

⁴ Там же.

⁵ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8.

Научная деятельность преемника Френа, проф. Ф. Эрдмана протекала главным образом в области восточной нумизматики, но он также занимался исследованиями персидских и арабских текстов, использованных в древнерусских и античных источниках¹. Однако научные труды Эрдмана не оставили существенного следа в истории русского востоковедения².

При характеристике первого периода в научной деятельности казанских востоковедов нельзя пройти мимо нумизматических и этнографических работ первого исследователя быта казанских татар известного натуралиста и этнографа — К. Ф. Фукса. Медик по специальности, Фукс много времени отдал исследованию местных народностей, преимущественно татар³. Он близко сошелся с татарами, изучил их язык, жил среди них в татарской части города и свои многолетние наблюдения позднее изложил и обобщил в основной своей работе по этнографии — «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении». В этой работе он большое внимание уделил физическому типу татар, их экономике, внешнему быту, женскому вопросу, поэзии, культу и праздникам, школе и просвещению, взаимоотношению между русскими и татарами⁴.

Если научная работа в области изучения Востока в первый период была представлена только двумя-тремя ориенталистами, то в период ректорства Н. И. Лобачевского началась интенсивная, всесторонняя историко-филологическая и этнографическая разработка важнейших малоизученных проблем монголоведения, тюркологии, китаеведения и т. д.

В истории русского монголоведения Казанский университет имел весьма большое значение. Труды Ковалевского и Попова одновременно с трудами И. Я. Шмидта в Петербурге были заложены основы для научного изучения языка, истории, литературы, быта монгольского народа.

Занимаясь монгольским языкознанием, О. М. Ковалевский, кроме важнейших учебных пособий, создал ряд других ценных работ: «Опыт монгольского корнеслова», «Опыт монгольской семантики», «Сравнительная грамматика монголо-тюрко-финская» и ряд других, оставшихся, к сожалению, в рукописях.

¹ Загоскин. Указ. соч., т. IV, стр. 191. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855.

² Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге». 1876, т. I, стр. 223.

³ Н. И. Воробьев. К. Фукс — первый исследователь быта казанских татар. Казань, 1927.

⁴ К. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

О. М. Ковалевский никогда не считал себя только языковедом. Он много и глубоко занимался историей народов Востока. Неоднократно призывал ученых к всестороннему изучению стран Азии. Так, в речи на торжественном собрании университета, произнесенной 8 августа 1837 г., обращаясь к профессорам и студентам университета, он говорил: «Сколько здесь предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!»¹

Язык же он считал «ключом, за которым сокрыты все сокровища восточной учености»².

Востоковеды Казембек и Березин много сделали для научного развития тюркологии. Плодотворная научная деятельность Казембека была направлена на изучение истории, литературы, религиозных воззрений и законодательств тюркских народов. В области истории Казембека интересовала деятельность крымских ханов, уйгуры, политическая борьба в Аравии накануне и в период возникновения ислама. Эти научные интересы Казембека получили свое осуществление в ряде опубликованных им статей³.

Обладая прекрасными знаниями восточных языков, Казембек был тонким знатоком литературы, законодательных актов и мусульманских религиозных текстов на этих языках.

Казембек был первым исследователем бабизма. В написанной им позднее работе о бабидах он дает совершенно новую для того времени оценку движения бабидов в Иране, считая это движение не только религиозным, но и политическим, направленным против феодальной власти персидского шаха и официальной религии шиизма⁴. Однако, будучи идеалистом в подходе к историческим явлениям, Казембек не мог дать правильной оценки роли мусульманской религии в жизни восточных народов.

И. Н. Березин проработал в Казанском университете, возглавляя кафедру турецко-татарского языка, свыше 10 лет.

---

¹ О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 32—33.

² Там же, стр. 34.

³ А. К. Казембек. Тяхфе. Рассуждение на персидском языке о литературе арабов. Казань, 1831. Ассаб-ус-Сейяр или семь планет, история крымских ханов, сочиненная на турецком языке Сеид Ризою, с введением на русском языке. Казань, 1832. «Исследование об уйгурах». ЖМНП, 1841. О некоторых политических переворотах Востока, подготовивших поприще Мухаммеда в Аравии и вне ее. ЖМНП, ч. 46, 1845.

⁴ А. К. Казембек. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 гг. (1865).

Он преподавал турецкий язык, читал историю турецких народов и турецкую литературу, плодотворно занимался разработкой сложных вопросов истории тюркских и монгольских народов, интересовался историей местного края. Буржуазный либерал, И. Н. Березин в 50-е годы XIX в. редактировал неофициальную часть «Казанских губернских ведомостей».

Научная деятельность И. Н. Березина, как и других казанских востоковедов, началась с лингвистических работ. И. Н. Березин первый в России из ученых-тюркологов занялся изучением тюркских и персидских диалектов, но предложенная им классификация тюркских диалектов в настоящее время устала.

И. Н. Березин уделял большое внимание собиранию и публикации восточных исторических рукописей, благодаря чему он и приобрел мировую известность. Будучи в 1845 г. в Петербурге, он сделал подробное описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в петербургских библиотеках¹. В Казани он стал издавать «Библиотеку восточных историков», которая была первой в России попыткой собрать и прокомментировать работы восточных историков и летописцев о монголах и их походах на Запад. И. Н. Березину удалось издать три тома: первый том — «Шейбаниада» (история монголов и тюрков на джагатайском языке, посвященная внуку Чингисхана Шейбани-хану); второй том — «Джами Эт-Таварих» (история монголов и тюрков на языке казанских татар); третий том — турецкая хроника Абульгази. Каждый том был снабжен ценными филологическими и историческими комментариями, к составлению которых привлекались лучшие казанские ориенталисты, среди которых находился первый бурятский ученый Доржи Банзаров, написавший для Березина несколько оригинальных статей.

Кроме этого, И. Н. Березин переводил «Историю монголов» из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина. Отдельные отрывки из «Истории монголов» он с подробными историко-филологическими комментариями издал уже в казанский период², но основной текст был издан позже, в Петербурге. Это был первый в Европе более или менее полный перевод монгольской

---

¹ И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в петербургских библиотеках. ЖМНП, 1846—1849, Отд. изд. СПб., 1850.

² «Первое вторжение монголов в Россию». ЖМНП, 1852; «Второе вторжение монголов в Россию». ЖМНП, 1854.

истории¹, не утративший своей ценности, пока не появился перевод труда персидского историка в издании Академии наук².

Одновременно Березин плодотворно занимался изучением тарханных ярлыков золотоордынских ханов, которые давно привлекали внимание русских и западноевропейских ориенталистов. И. Н. Березин дал новые переводы тарханных ярлыков Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея с обширными историко-филологическими комментариями³, а затем написал специальную работу: «Внутреннее устройство Золотой Орды», в которой впервые в русской и европейской литературе было подробно освещено устройство государства Золотой Орды. Однако Березин совершенно не касался социально-экономического строя монгольского государства.

Работа И. Н. Березина над внутренним устройством Золотой Орды продолжалась и в Петербурге. Завершением ее была докторская диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (1862). Диссертация получила высокую оценку у современников. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский также отметили, что труд Березина — наиболее полное дореволюционное исследование о внутреннем устройстве Золотой Орды. «Государственное устройство Золотой Орды, — писали они, — более чем какая-либо другая сторона Улуса Джучи подвергалась изучению. Наиболее полно оно освещено было в прошлом веке в работе И. Березина «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева». Но при всех достоинствах этой работы нельзя забывать, что она находится на высоте фактических знаний 60-х годов XIX века»⁴.

Березин продолжил и углубил исследования русских востоковедов об исламе. В отличие от своего учителя Казембека Березин правильно характеризовал ислам, как препятствие на пути к прогрессу. Еще в «Путешествии по Дагестану и Закавказью» он подчеркивал, что мусульманская религия

¹ а. Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эдина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Труды ВОРАО, ч. V, 1858 (перевод), 1861 (персидский текст).

б. Р а ш и д - Э д д и н. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Труды ВОРАО, ч. XIII, 1868.

в. Р а ш и д - Э д д и н. История Чингиз-хана от восшествия на престол до кончины. Труды ВОРАО, ч. XV, 1888.

² Р а ш и д - а д - д и н. Сборник летописей, т. I, кн. 1—2. М.—Л., 1952; т. III, М.—Л., 1946; т. II находится в работе.

³ И. Н. Б е р е з и н. «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные Березиным». Казань, 1851.

⁴ Г р е к о в и Я к у б о в с к и й. Золотая Орда, 1950, стр. 122.

«отодвинула, мы еще не знаем на сколько веков или тысячелетий, развитие гражданственности и социальности в Азии»¹.

Самым крупным научным работником кафедры китайской словесности являлся, несомненно, В. П. Васильев. Его предшественники Д. Сивиллов и И. Войцеховский занимались главным образом переводами². Правда, Д. Сивиллов начал работать над китайской хрестоматией, но она осталась в рукописи. Первый вариант китайской хрестоматии Д. Сивиллова был послан на отзыв И. Бичурину, который дал ей, особенно предисловию, положительную оценку. Он писал в Казань: «Механизм, т. е. внутренний состав китайского раскрыт в предисловии к сей книге столь основательно и удовлетворительно, что сия часть хрестоматии вполне заслуживает быть переданною Европе на всех общих европейских языках»³.

В. П. Васильев, проработавший в Казанском университете до 1854 г., первые годы занимался в основном обработкой вывезенного из Китая материала — географического, исторического и филологического. В казанский период им были опубликованы и подготовлены к печати главным образом работы, посвященные географии Китая: «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях»⁴, «Описание Маньчжурии»⁵, «Записки о Нингуте» (перевод с китайского)⁶, «О реках, впадающих в Амур»⁷, «О существовании огнедышущей горы в Маньчжурии»⁸. Это были первые в России историко-географические работы, созданные не только на основе личных наблюдений и исследований, но и тщательнейшего изучения китайских источников. Кроме этого, им были составлены еще в Пекине географические карты китайских династий, являвшиеся в тот период единственными в России.

---

¹ И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, 1848, стр. 80.

² Переводы Д. Сивиллова: «Драгоценное зеркало для просвещенного ума» («Учен. зап. Казанского ун-та», 1837, II), «Всеобщая история Китая» («Учен. зап. Казанского ун-та», 1837, IV и 1838, II). «Философия Конфуция изложена в книге Мендзы», рукопись. Переводы И. Войцеховского: «Аналитический разбор как китайского, так и маньчжурского текстов книги Цинь-вэн-цы-мэн», «Аналитический разбор книги Цинь-вэн-чжи-яо», «Аналитический разбор конфуциевой философии или четверокнижия Сы-шу». Все они остались неизданными.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8466, л. 2.

⁴ ЖМН, II, 1852, ч. LXXIII.

⁵ «Зап. имп. Русск. геогр. об-ва», 1857, кн. XII.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ «Вестник Географического общества», кн. 5, 1855.

В отчете о своих занятиях в Китае В. П. Васильев указывал также, что он готовит к изданию составленные им «Основания тибетской грамматики», затем «Тибетскую хрестоматию», «Тибетский лексикон», «Историю буддизма в Индии» (перевод с тибетского), «Историю буддизма в Тибете, Китае и Монголии», «Географию Тибета» (перевод рукописи Минджул-хутукты), «Описание западных стран» (перевод сочинения китайского паломника Сюань-Цзяна, посетившего Индию в начале VII в.), «Литературу буддизма» и ряд других¹. Часть этих работ была опубликована или использована для создания других работ уже в петербургский период его научной деятельности. Большой знаток тибетского, китайского, санскритского и монгольского языков, Васильев проделал очень большую работу в области восточной филологии. Он старался проникнуть в грамматический слой языка и лексику, выяснить связи санскритского с тибетским, маньчжурского с монгольским. Большое внимание в своих филологических изысканиях Васильев уделял диалектам восточных языков. В частности, он изучил некоторые диалекты монгольского языка. В монгольском языке, который он весьма основательно изучил в Казани, он достиг такого совершенства, что «самые монголы удивлялись правильности и чистоте его сочинения фраз и непогрешительности в произношении»².

Наука обязана Васильеву глубоким изучением истории буддизма в Тибете. Он собрал много материалов для истории этой же религии в Китае и Монголии.

В. П. Васильев был выдающимся русским китаеведом, проделавшим огромную работу по изучению Маньчжурии и Тибета. Труды его в этой области не потеряли своего значения и до настоящего времени.

В своей многогранной научно-исследовательской работе востоковеды Казанского университета не только подымали важнейшие вопросы востоковедческой науки, но и прокладывали новые пути для ее развития.

ПОСТАНОВКА ПРЕПОДАВАНИЯ НА ВОСТОЧНОМ РАЗРЯДЕ

Велика заслуга казанских востоковедов и в постановке педагогической и методической работы на восточном разряде.

Успешная постановка преподавания была невозможна без создания учебников и учебных пособий. Ученые восточных кафедр с каждым годом, по мере распространения преподавания

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8453, л. 59—75.

² Отчет о состоянии императорского Казанского университета 1850/51 учебном году, стр. 30.

восточных языков, увеличивали число учебных пособий, постоянно их усовершенствуя. В этом отношении нельзя не отметить, что казанские востоковеды внесли большой вклад в развитие русской педагогической и методической мысли.

Каждая кафедра восточного разряда сама создавала учебники для своих слушателей. Через пять лет после открытия Казанского университета в 1809 г. Хальфин издал азбуку и грамматику татарского языка, а также татарскую хрестоматию, по которой учились много лет слушатели восточного разряда ¹. Казембек издал грамматику турецко-татарского языка, удостоенную Демидовской премии ². Он также занимался составлением турецкой хрестоматии ³. Граматику Казембека дополнил И. Н. Березин и, в свою очередь, создал грамматику персидского языка, а также написал работу о турецких диалектах ⁴.

Таким образом, весь цикл турецко-татарской словесности был обеспечен учебными пособиями, составленными членами кафедры.

Цикл монгольской словесности, благодаря энергичной педагогической и методической деятельности Ковалевского и Попова, был еще шире обеспечен учебной литературой, достаточной для удовлетворения нужд не только университета, но и гимназии. Грамматика монгольского языка и двухтомная монгольская хрестоматия Ковалевского, а также трехтомный монгольско-русско-французский словарь имели большое научное и педагогическое значение ⁵. Большую пользу в преподавании приносила монгольская хрестоматия Попова для начинающих и созданная им же первая арифметика на монгольском языке ⁶.

¹ И. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 221. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, 1842, стр. 4. См. Х а л ь ф и н. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения. Казань. 1809.

² К а з е м - б е к. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839. Второе издание под заглавием «Общая грамматика турецко-татарского языка». Казань, 1846.

³ Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 гг. Казань, 1840, стр. 8.

⁴ И. Н. Б е р е з и н. Дополнение к тюркской грамматике, изданной Казем-беком. СПб., 1846. Грамматика персидского языка. Казань, 1853, см. «Ученые записки Казанского университета», 1848, II, и отдельно. Казань, 1848.

⁵ О. М. К о в а л е в с к и й. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. Монгольская хрестоматия, т. I—II. Казань, 1836—1837. Монгольско-русско-французский словарь, т. I—III. Казань, 1844—1855.

⁶ А. В. П о п о в. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку, ч. I—II. Казань, 1837, см. е г о ж е. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1848.

Санскритская антология Петрова, являвшаяся первой в России, его переводы санскритских текстов способствовали углубленному изучению санскрита в университете. По предписанию Н. И. Лобачевского от 13 января 1842 г. санскритский язык стал обязательным для монгольско-татарского и китайского разрядов¹. Не меньшее значение для углубления преподавания армянского языка имели грамматика и хрестоматия Назарьянца². «Основания тибетской грамматики» и тибетская хрестоматия Васильева служили важным учебным пособием для изучения тибетского языка³.

Многие из этих учебных пособий, как и научные труды востоковедов, печатались в университетской типографии. Она имела монгольский, калмыцкий, тибетский и санскритский шрифты⁴.

Кроме учебников и учебных пособий, ученые составляли программы отдельных курсов для восточного разряда. Начало обсуждению составленных программ заложил еще Френ, который по приезде в Казань представил в Совет проспект намеренного им преподавания, которое должно было заключаться в этимологии арабского языка и в объяснении арабских авторов, и создал программу разбора и критики арабских текстов и сочинений⁵. За ним последовал Эрдман, создавший подробную программу трехлетнего обучения арабскому языку⁶. Программу для гимназии и университета по монгольскому языку составлял неоднократно Ковалевский, программу по санскриту — Петров⁷.

В распоряжении воспитанников восточного разряда была также университетская библиотека, хорошо представленная востоковедческой литературой.

Библиотеке Лобачевский отдавал много сил и энергии, чтобы сделать из огромного скопища книг, приведенных во

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5181, л. 2.

² Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855, стр. 28.

³ Там же.

⁴ Во время пожара 1842 г. университетская типография почти вся сгорела, и погибли книгопечатные станки, шрифты, сочинения и бумаги. Однако вскоре она была восстановлена и в последние годы существования восточного разряда стала еще более мощной.

⁵ Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1827 гг. Казань, 1899, стр. 19. Загоскин. Указ. соч.; т. I, стр. 219.

⁶ Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского, инв. № 4044. Программа Эрдемана написана на латинском языке. Имеется в архиве также русский перевод.

⁷ Петров. Программа для преподавания санскритского языка и литературы. «Ученые записки Казанского университета», 1842, кн. II.

время управления Магницкого в полный беспорядок, настоящее научное книгохранилище. Считая библиотеку важнейшим звеном университетской жизни, Лобачевский очень дорожил должностью ее руководителя и часто подписывался «ректор и библиотекарь Лобачевский».

Лобачевский положил начало созданию фонда рукописей и старопечатных книг на многих восточных языках.

При непосредственной помощи Лобачевского, силами восточного разряда в библиотеке были собраны редчайшие восточные книги и рукописи, которые до настоящего времени представляют исключительную научную ценность¹.

В фонде рукописей и редких книг во время существования восточного разряда и позднее имелись первоисточники на 18 языках, среди них десятки рукописей на арабском, турецком, персидском, татарском и других языках. Они охватывали многочисленные отрасли знания. Среди них имелись экземпляры, относящиеся к началу XII в., уникальные автографы известных восточных писателей, произведения средневековых философов, сборник поэм известного иранского поэта Амира Хусрау (1253—1325), сочинения великого узбекского поэта Навои, великого азербайджанского поэта Низами, великого таджикского ученого Авиценны.

Большое значение также представляли рукописи по истории, языку и литературе татарского народа. Среди многочисленных татарских рукописей был найден подлинный экземпляр татарской азбуки и грамматики, составленной в 1775 г. преподавателем татарского языка Первой Казанской гимназии Сагитом Хальфином. В 1778 г. эта книга была напечатана в Петербурге. В рукописи этого же автора имелся также русско-татарский словарь (в двух томах). Недавно обнаружены рукописи лекций по курсу татарского языка, прочитанных в 1824—1826 гг. Ибрагимом Хальфином, а также лекции по истории арабской словесности, записанные студентом П. Мельниковым (известным писателем П. И. Мельниковым-Печерским)².

Восточное отделение библиотеки почти ежегодно увеличивало свой фонд главным образом благодаря инициативе казанских востоковедов, которые привозили в университет из своих

¹ В 1855 г. это ценнейшее собрание восточных книг и рукописей было передано созданному при Петербургском университете Восточному факультету. Восточные рукописи в университетской библиотеке стали снова накапливаться, начиная с конца XIX в. В настоящее время фонд восточных рукописей содержит 7300 отдельных произведений.

² М. Андреев. Восточные рукописи библиотеки Казанского гос. университета, стр. 29—32. «Библиотекарь», 1951, № 5.

путешествий ряд ценных рукописей и книг. Так, например, Ковалевский в Иркутске, Кяхте и Пекине приобрел книги и рукописи на монгольском, маньчжурском, тибетском, санскритском и китайском языках. В этих книгах излагается политическая и нравственная жизнь монголов и смежных с ними народов ¹.

Значительное количество книг печатных и рукописных, а также богатая коллекция словарей была привезена казанскими путешественниками из Китая и других стран Азии. Один Васильев приобрел для университетской библиотеки важнейшие восточные книги в количестве четырех тысяч томов ².

Систематическое увеличение библиотечного фонда по различным отраслям восточной филологии, истории и этнографии послужило «надолго неисчерпаемым источником сведений для изучения восточных народов во всех их отношениях» ³.

Прекрасным наглядным пособием в преподавании восточной словесности, его учебно-вспомогательными учреждениями были нумизматический или минц-кабинет и кабинет редкостей.

Трудами Френа, Фукса, Эрдмана, Казембека, Ковалевского, Березина в минц-кабинете составилось богатое собрание восточных монет, которое служило необходимым пособием для преподавания восточной нумизматики ⁴.

Особый кабинет редкостей, находившийся под руководством Ковалевского, систематически обогащался достопримечательностями из разных стран Востока.

Начало этому кабинету положила небольшая коллекция любопытных и редких предметов, переданных университету проф. И. М. Симоновым, участником первой антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 гг. Среди этих предметов была небольшая коллекция оружия с островов Тихого океана, высушенная человеческая голова с Соломоновых островов и некоторые другие предметы. Дальнейшие путешествия казанских востоковедов значительно расширили экспонаты этого кабинета. Много сделал для обогащения кабинета редкостей Ковалевский. 4-летнее пребывание в Сибири,

¹ См. Отчет по императорскому Казанскому университету за 1834 г., стр. 79. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1842, стр. 28.

² Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1850/51 учебном году, стр. 31.

³ Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 29.

⁴ Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, стр. 64—67.

путешествие по забайкальским степям, посещение Пекина дали ему возможность приобрести для университета редкие и любопытные собрания ¹. В 1830 г. он принес в дар кабинету тибетскую аптеку, в 1831 г. купил для университета у забайкальских бурят собрание медных вещей, составлявших буддийский жертвенник. В 1835 г. приобретено через него собрание костюмов китайских, маньчжурских и монгольских, буддийских богослужебных риз, одеяний лам и бурят, статуй и живописных изображений божеств, китайских картин и др. Все эти вещи были привезены из Китая и Монголии.

В 1842 г. поступили от В. П. Васильева образцы китайской промышленности: 13 сортов китайского лака, 7 сортов китайского шелка, чай, семена различных растений и др. ²

В том же году кабинет редкостей приобрел при помощи Френа мумию младенца из фиванской гробницы и другие египетские древности.

В 1846 г. через В. Ф. Диттеля кабинет приобрел надгробную доску с мумии, расписанную иероглифами, оболочку с мумии, изображавшую умершую женщину.

В 1848 г. профессор университета Вагнер доставил кабинету руку и ногу египетской мумии ³.

Почти ежегодно кабинет обогащался покупками или приношениями частных лиц. В результате этих собраний в кабинете можно было увидеть довольно полное собрание костюмов, культовые предметы, домашнюю утварь, оружие, музыкальные инструменты китайцев, монголов, сибирских племен, островитян и других народов.

Экспонаты кабинета редкостей давали возможность лучше познакомиться с историей, этнографией, религией и другими сторонами жизни восточных народов ⁴.

---

¹ См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 гг., Казань, 1840, стр. 36—37.

² Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1850/51 учебном году, Казань, 1851, стр. 31. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г., стр. 67.

³ Там же.

⁴ Часть этих экспонатов кабинета редкостей вошла в ныне существующий этнографический музей при Казанском гос. университете. В настоящее время зарубежная Азия представлена главным образом собраниями из Китая, коллекцией по буддийскому культу Монголии и отдельными вещами из Кореи, Японии и Ирана. Китайское собрание включает несколько сот предметов быта, преимущественно обеспеченных классов. Довольно богата коллекция предметов буддийского культа Монголии, включающая значительное количество культовой утвари, музыкальных

Как учебные пособия, так и вспомогательные учреждения, несомненно, способствовали улучшению постановки преподавания на восточном разряде.

Что касается самой постановки преподавания на восточном разряде, то она пережила ряд организационных и структурных изменений. До устава 1835 г., когда восточная словесность организационно не была выделена и входила как основная часть в отделение общей словесности, преподавателей по ней было мало. Правда, это количество было несколько увеличено в 1833 г. в связи с открытием монгольской кафедры. До этого преподавание восточных языков осуществлялось, по существу, тремя преподавателями: Френем, Эрдманом и Хальфиным. Как было указано выше, Френ и Эрдман вели преподавание по арабско-персидской словесности, а Хальфин — по татарскому языку. За 10 лет своего пребывания в университете Френ преподавал арабский, персидский и турецкий, а для желающих — еврейский и сирийский языки. Наряду с этим он читал со студентами из арабской хрестоматии статьи по географии, истории и поэзии, а также знакомил их с арабской палеографией¹. Эрдман обучал студентов арабскому и персидскому языкам, читал историю арабской и персидской словесности. Преподавание языков подкреплялось объяснениями отрывков из арабской хрестоматии Яна и персидской хрестоматии Вилькена, а также курсом восточной нумизматики и персидской истории с древнейших времен². Эти курсы также читал проф. Эрдман³. С конца 20-х годов началась преподавательская деятельность Казембека, который разбирал со студентами грамматические правила персидского языка, занимался с ними переводами с персидского на русский, читал рукописи, знакомил их с персидскими авторами по хрестоматии Болдырева⁴.

Татарский язык и отчасти турецкий в эти годы, как известно, преподавал Ибрагим Хальфин. Кроме знакомства

инструментов, молитвенных вертушек, костюмов лам, статуэток божеств и большое собрание буддийских икон на дереве, полотне и бумаге. Имеется также небольшое количество вещей, характеризующих быт монголов: предметы одежды, оружие. См. Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин, П. В. Юсупов. Этнографический музей Казанского государственного университета. «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 222—225.

¹ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8. Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1817 гг. Казань, 1899, стр. 13—14.

² Там же, стр. 15—17.

³ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 16, 17, 18, см. также ф. 977, арх. 5061, л. 8.

⁴ Там же, стр. 19, см. также ф. 977, арх. 5061, л. 9.

с основами этих языков Хальфин широко практиковал со студентами переводы русской истории на татарский язык, а также татарской истории и литературы на русский язык.

Начиная с 30-х годов круг востоковедных дисциплин был расширен. Цикл арабско-персидской словесности продолжают вести Эрдман, Казембек и позднее Березин. Эрдман увеличил количество арабских и персидских книг, продолжая читать для всех разрядов историю персидского государства, а с 1833/34 учебного года вводит курс древней истории, который до него читал кандидат словесных наук И. А. Верниковский ¹.

Казембек продолжал вести арабский и персидский языки по грамматикам Ричардсона и Джонса, а также по хрестоматии Болдырева ².

После смерти Хальфина Казембек с 1830/31 г. взял на себя преподавание татарского языка.

С открытием кафедры монгольского языка преподавание на ней вели Ковалевский и Попов. Уже в 1833/34 учебном году Ковалевский, тогда еще адъюнкт, излагал студентам грамматические правила «об изменении слов и употреблении оных», руководствуясь краткой грамматикой письменного монгольского языка, составленной им, и грамматикой академика Шмидта ³. В последующие годы Ковалевский расширил курс введением чтения и комментирования отрывков из монгольских сочинений по истории буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии ⁴. Наряду с этим он ввел переводы с русского на монгольский язык и излагал студентам грамматическое различие книжного и разговорного монгольского языков ⁵. Кроме преподавания монгольского языка, Ковалевский, начиная с 1838/39 учебного года, стал читать по своим запискам историю монголов ⁶. Несколько позднее он читал и монгольскую литературу ⁷.

Попов читал своим слушателям сравнительную грамматику монгольского и татарского языков и занимался с ними переводами с монгольского языка на русский из собственной хре-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5061, л. 8; № 5558, л. 37, № 5768, л. 25—27; № 6172, л. 25; № 8244, л. 34; № 8559, л. 12.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 6172, л. 25.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7104, л. 15—16.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 6935, л. 13. Отрывки из монгольских сочинений, которые комментировались Ковалевским, были собраны им в хрестоматию и изданы.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7350, л. 11, 12.

⁶ ЦГА ТАССР, № 8244, л. 35—36. См. Обзорение преподавания в императорском Казанском университете на 1849/50 год. Казань, 1849, стр. 8.

⁷ ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8559, л. 12.

стоматии «с грамматическими, синтаксическими и филологическими объяснениями»¹.

С конца 30-х годов на восточном разряде стал преподавать китайский язык и китайскую грамматику Д. Сивиллов. Кроме изложения этимологии и синтаксиса китайского языка, он читал и китайскую историю². Практический курс китайского языка вел Алексей Сосницкий. С 1844 до 1850 г. теорию китайского языка читал проф. Войцеховский. Он объяснял различие между древней и новейшей китайской письменностью, объяснял законы каллиграфического письма, занимал студентов переводами с китайского языка на русский и с русского на китайский, а также читал политическую и литературную историю Китая³. После Войцеховского несколько лет до закрытия восточного разряда преподавал грамматику китайского языка и читал политическую историю и литературу Китая проф. Васильев⁴.

В 40-е годы и вплоть до закрытия разряда круг преподаваемых восточных языков все больше расширялся. Вводятся преподавание армянского, санскритского, калмыцкого, маньчжурского языков. О том, как глубоко и всесторонне изучались эти языки, свидетельствуют дошедшие до нас программы преподавания первых двух языков. Представляя в 1842 г. программу преподавания армянского языка и литературы, адъюнкт Назарьянц подчеркивал, что он будет стремиться проникать «во внутреннюю жизнь столь многосторонне-развитого языка и содействовать основательному разумению древних памятников армянского духа». Преподавание армянского языка по программе Назарьянца растягивалось на все четыре курса. На первом курсе излагались основы языка, а также велось комментирование отрывков из армянских сочинений. Во второй год обучения изучался синтаксис, практиковались письменные упражнения, давались объяснения армян-

¹ ЦГА ТАССР, № 7350, л. 11, 12; № 8559, л. 12. Кроме своей хрестоматии, Попов в своем преподавании широко использовал хрестоматию Ковалевского. См. Обзорение преподаваний в императорском Казанском университете на 1849/50 г. Казань, 1849, стр. 8.

² ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8244, л. 36, 37. См. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, стр. 8, 14—15.

³ Обзорение преподавателей в императорском Казанском университете на 1849/50 г. Казань, 1849, стр. 9. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1852, стр. 15.

⁴ См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851/52 учебном году, Казань, 1852, стр. 9.

ской истории Лазаря Парпского. На третьем курсе упражнения в языке шли параллельно с изложением политической истории, географии древней или великой Армении, с объяснениями армянской истории Моисея Хоренского. На последнем курсе к переводам с новых языков на армянский, и наоборот, прибавлялось изучение армянских древностей и истории армянской литературы.

Таким образом, изучение языка шло параллельно с изучением литературы и истории народа ¹.

О таком же всестороннем и глубоком изучении санскритского языка свидетельствует программа, составленная в этом же 1842 г. и. д. адъюнкта П. Я. Петровым. Петров, кроме изучения этимологии, диалектов, фонетики, транскрипции и каллиграфии санскрита, санскритской литературы, знакомил слушателей с историей Индии по законам Ману, с индийской философией и развитием различных отраслей наук ².

Разработка членами кафедр учебников и учебных пособий, подробных планов и программ, глубокое и всестороннее изучение ими предмета своих курсов свидетельствуют о том, что студент восточного разряда получал, безусловно, хорошую подготовку. Студент специализировался по какому-нибудь одному языку и одновременно обучался «некоторым вспомогательным языкам» ³.

В 1842 г. было произведено точное распределение предметов восточного разряда по специальностям, что получило свое выражение в стабильном учебном плане и расписании, утвержденным 26 марта 1843 г. ⁴

Несмотря на хорошую постановку преподавания восточноведческих дисциплин, студентов на восточном разряде было мало. В первые годы преподавания этих дисциплин их отталки-

¹ См. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г., стр. 16. После отъезда Назарьянца из Казани преподавание армянского языка продолжал его ученик Гр. Гладышев.

² Программа для преподавания санскритского языка и литературы при императорском Казанском университете, составленная Павлом Петровым. «Ученые записки Казанского университета», 1842, кн. II, стр. 77—95.

³ До 50-х годов восточный разряд находился в системе философского факультета, с 1851 г. и до закрытия он входил в состав историко-филологического факультета. Количество специальностей также менялось. Так, в 1839/40 г. их было 4 (арабско-персидская, монгольская, турецкая и китайская), в 1842/43 г. — 6 (к существующим прибавлена армянская и санскритская), в 1848/49 г. их было тоже 6 (вместо китайского введен калмыцкий язык), в 1851 г. — 7 (вновь введен китайский).

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5272, л. 19.

вало то обстоятельство, что преподавание велось на иностранных языках — немецком или латыни, которых большая часть слушателей не знала; но по мере привлечения к преподаванию русских ориенталистов эта причина исчезла. Между тем даже в годы наибольшего расцвета деятельности восточного разряда на нем училось не более 25 студентов. Так, например, в 1852 г. было 14 слушателей, в 1853 г. — 22, в 1854/55 г. — 26 слушателей. Если учесть, что в эти годы было по 6—7 восточных специальностей, то на каждую специальность падает лишь по несколько студентов¹.

Попов позднее объяснял это положение тем, что многие не шли на отделение восточной словесности в связи с отсутствием после окончания назначения, поэтому «вынуждаемы были крайностью своего положения избирать для себя другой род службы»². Возможно отпугивали абитуриентов и миссионерские устремления царского правительства, открывшего молодым людям двери университета в расчете, что они будут слугами самодержавия, проводниками его политики. Однако, несмотря на все это, воспитанники восточного разряда подвергались влиянию передовой русской профессуры, прогрессивной научной мысли. С помощью учителей они находили настоящее место в жизни, свое призвание. Об этом может особенно отчетливо свидетельствовать жизнь и деятельность выпускника восточного разряда первого бурятского ученого Доржи Банзарова, получившего в университете блестящую подготовку и ставшего благодаря заботе своих учителей признанным знатоком истории и этнографии народов центральной Азии.

В течение почти всей первой половины XIX в. Казанский университет являлся центром университетского изучения Востока и преподавания восточных языков в России.

Восточный разряд просуществовал до 1854 г. 22 октября этого года последовал указ сената, прекращавший преподавание восточных языков в Казанском университете и I Казанской гимназии. В последней было оставлено «по уважению местных обстоятельств края» преподавание татарского языка.

---

¹ Отчет Казанского университета за 1853 г., стр. 50. Отчет за 1854/55 учебный год, стр. 38. Следует отметить, что вообще историко-филологический факультет по сравнению с другими факультетами был малочислен. Так, в 1853 г. на этом факультете было всего 39 студентов, в то время как на медицинском было 180.

² См. Краткий исторический взгляд на развитие преподавания восточных языков в русских университетах и других учебных заведениях Министерства народного просвещения. ЖМНП, 1855, ч. 88, стр. 8.

Заккрытие разряда в указе мотивировалось необходимостью для успешного изучения восточных языков сосредоточить их преподавание в одном месте. Этим местом был Санкт-Петербургский университет, где «соединяется больше средств для развития этой обширной отрасли знания, и больше учебных пособий, чем в других местах империи». В связи с этим отделение восточных языков при Санкт-Петербургском университете было преобразовано в Восточный факультет, на котором продолжали свою деятельность многие казанские востоковеды ¹.

---

¹ См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855, стр. 21—22. А. С. Шофман. Указ. соч., стр. 19.
